

Не одна тысяча выпускников 5-й Каменской средней школы с благодарностью вспоминает учителя русского языка и литературы Никиту Степановича Хильченко. 48 лет он проходил в школах бывшего Каменского уезда, округа, затем в городе Камне, принимал активное участие в создании новой, советской школы, рос вместе со школой.

В предлагаемом вниманию читателей очерке Н. С. Хильченко рассказывается о некоторых эпизодах жизни и борьбы учителей Каменского уезда в тревожные годы гражданской войны.

УЧИТЕЛЬСКАЯ СТАЧКА

Учителя начальных школ царской России были самой обездоленной частью российской интеллигенции. Чиновники, учителя гимназий и реальных училищ относились к учителям начальных школ, особенно сельских, высокомерно, пренебрежительно. А полицейские чины и черносотенцы считали их неблагонадежными людьми и держали на подозрении. Первым недремлющим оком, постоянно наблюдавшим за учителем, был поп. Даже неаккуратное посещение церковных богослужений давало право «отцу духовному» сделать учителю наставление и доложить о его поведении «по начальству».

Все это у большинства народных учителей вызывало чувство протеста, порождало недовольство своим положением в обществе.

Недовольство и желание перемен подогревались также крайним консерватизмом царского правительства в области народного просвещения. Учителя хорошо понимали необходимость радикальных изменений, реформ в области народного образования, и в первую очередь в программах и в постановке учебного дела в начальных школах.

Все это явилось одной из причин того, что подавляющее большинство учителей с удовлетворением встретило декрет и мероприятия Советского правительства об отделении церкви от государства и школы от церкви, об изъятии из школьных программ закона божия и церковно-славянского языка, о связи школы с жизнью. Еще больше сблизило учителей с советским строем полное доверие к ним со стороны органов Советской власти. Многие из них включились в работу по созданию новой, подлинно народной школы.

Обо всем этом ярко свидетельствует, на мой взгляд, пример народных учителей Каменского уезда. Восторженно встретив Советскую власть и ее революционные преобразования, они решительно восстали против колчаковских порядков.

...Весна 1918 года. Закончились занятия в школе. Потянуло в город. Там идут смелые поиски путей создания новой школы. Вместе с учителем Чистяковым в конце мая мы отправились в Камень.

Каменским Совдепом к этому времени уже был организован Дом учителя. Находился он на берегу Оби, на территории пристани. Здание было конфисковано у

местного владельца паровой мельницы, однофамильца моего товарища — купца Чистякова. В Доме учителя уже было человек 20—25 учителей, приехавших из разных школ уезда. Радостные встречи, новые знакомства, обмен мнениями, самое непринужденное общение с руководителями народного просвещения уезда, с заведующим УНО Ф. Шевцовым. В Доме учителя он занимал одну маленькую комнату. Это была его квартира, и тут же был и отдел народного образования.

Ф. Шевцов был самым активным и неутомимым участником всех разговоров, споров, которые велись в Доме учителя и днем и ночью. Тут же коллективно составлялись предложения для Совпода по вопросам народного образования, проекты решений.

К этому времени в Камне уже был создан Народный университет. Размещался он во втором этаже дома купца Винокурова, в той части, где в настоящее время находится зооветеринарный техникум. Все сельские учителя охотно посещали лекции, читавшиеся в Народном университете.

8 июня, 1918 год. Теплый погожий день. По расписанию, примерно в 11—12 часов дня, в Народном университете должна начаться лекция учителя Серебренникова по политэкономии. Для всех сельских учителей этот предмет был новым. Я уже собрался пойти на лекцию, но меня остановил Ваня Шабалин.

— Мне сообщили, — сказал он, — что снизу идет к Камню какой-то пароход. Дай мне, пожалуйста, бинокль. Надо посмотреть, что это за пароход.

У меня был бинокль, я отдал его и вместе с другими учителями пошел на лекцию.

Мы заняли места. Вскоре в зал вошел Серебренников, высокий, стройный, приветливый. Поздоровался, стал за кафедру, раскрыл папку. Вдруг — телефонный звонок. Серебренников подошел к телефону, что-то послушал. Не ответив в трубку ни слова, подошел к кафедре, взял свою папку и, уже направляясь к выходу, сказал нам: «Лекция не состоится. Вам тоже советую уйти отсюда».

Мы все в недоумении поглядывали друг на друга. Через непродолжительное время послышались пароходные гудки.

Мы знали, что на пристани стояли под парами два парохода, пассажирский «Лейтенант Шмидт» и быстроходный баксирный «Крестьянин». На этих пароходах находилась часть Каменского красногвардейского отряда и некоторые члены Совета. Мы решили, что Серебренников, как начальник штаба, вызван на пароход к отряду. Примерно через полчаса оба парохода отчалили от пристани и пошли вверх, в сторону Барнаула.

Из учителей пока никто ничего не подозревал. Некоторые высказали предположение, что, вероятно, где-то в прибрежном селе вспыхнуло кулацко-эсеровское восстание, и отряд во главе с Серебренниковым отправился на подавление его. Прошло еще минут 30—40. Послышалась пулеметная очередь. Мы вышли на балкон. Пулеметные очереди периодически повторялись где-то значительно ниже пристани. Стало тревожно. Мы решили идти из Народного университета в Дом учителя.

В тот же день мы узнали, что на северной части острова, который против Камня, находилась пулеметная точка. Там было два красногвардейца. Ваня Шебалин, увидев пароход, тоже отправился к ним. Пароход приближался к острову. Ясно различались фигуры вооруженных людей. Сомнений не было — идет белогвардейский отряд. Шебалин несколько раз прошил пароход пулеметным огнем на близком расстоянии. Несколько белогвардейцев было убито. Пароход повернул обратно и причалил к берегу в месте, недосягаемом для пулеметного огня. Там был высажен десант, который бегом пошел в Камень. У Шебалина больше не было лент. Вместе с пулеметчиками он в лодке переплыл в город.

Ваня Шебалин знал, что половина небольшого красногвардейского отряда накануне была отправлена в одно из сел на подавление кулацкого восстания. Но он не знал, что вторая часть отряда отправилась на пароходах в сторону Барнаула. Город

Н. С. Хильченко.

оказался беззащитным. Пароход, высадив десант, беспрепятственно подошел к берегу, но почему-то не к пристани.

С носовой части парохода, уткнувшейся в берег, был спущен длинный узкий трап. По нему редкой цепочкой по одному, с ружьями наперевес, быстро сходили на берег чехи, поляки и белые офицеры.

Первые три офицера, сошедшие на берег, сразу направились в Дом учителя, где находился отдел народного образования и квартира Шевцова. Они спросили нас, где Шевцов. Затем довольно строго предложили нам сдать оружие, если у кого оно есть. Обыскивали каждого, перерыли чемоданы, постели. У К. Морозова был револьвер, но он, как только пароход прикалил к берегу, сунул его в печку, где было много золы и бумаги. Дверка печки осталась открытой. Там не искали.

Пароход стоял от Дома учителя, где мы находились, на расстоянии 50—60 метров. С крыльца дома было хорошо видно, как на берегу, у парохода, быстро стала собираться толпа — сытые мужчины с золотыми массивными цепочками через животы, богато одетые дамы, которых до этого не было видно в Камне. Вскоре встречать белогвардейцев пришли учителя гимназии во главе с директором, кадетом Лукиним. Лукин преподнес начальнику отряда хлеб-соль и пригласил офицерский состав в гимназию на обед. Приглашение, разумеется, было принято с благодарностью.

В это время толпа молодчиков, купленных местными купцами, привела на берег, к пароходу, скваченного на улице учителя Шевцова. Толпа сытых пришла в ярость. Обращаясь к белогвардейским офицерам и указывая пальцами на Шевцова, многие неистово кричали: «Это главный совдепщик! Это — инициатор и главный вдохновитель произвола и всех беззаконий, которые творились у нас! Хулиганы и бандиты тут же стали бить Шевцова кулаками по лицу, глумиться над ним. Начальник отряда под усиленным конвоем тяжело избитого Шевцова отправил в тюрьму.

Кто-то из пришедших встречать белогвардейцев предложил начальнику отряда догнать «совдепские» пароходы и привести их в Камень. Колчаковский пароход с частью отряда отправился в погоню, но через некоторое время вернулся ни с чем. Очевидно, белогвардейцы побоялись заходить далеко вверх по Оби.

В это время в Дом учителя зашел купец Чистяков, у которого был конфискован дом, окинул всех злобным взглядом, стал лицом в угол, где у него раньше стояли иконы, перекрестился широким крестом: «Наконец-то господь помог мне зайти в собственный дом. — И, повернувшись к нам, приказал: — Немедленно освободите помещение».

С тяжелым чувством стали мы расходиться кто куда и уезжать в села, в свои школы.

Захватив город, колчаковцы жестокими мерами пытались погасить в умах и душах людей свет свободы, который они впитали в короткие месяцы Советской власти.

Летом 1918 г. учителя уезда собрались в Камень на курсы. И в это время как раз Каменская городская управа уволила за большевистские убеждения трех учительниц — Цареву, Киселеву и Корниевскую. Профсоюзная учительская организация, возглавляемая М. В. Яковлевым, заявила протест против незаконных действий городской управы. Но управа отказалась пересмотреть свое решение.

Воспользовавшись тем, что на уездные курсы съехалось много учителей, правление учительского союза поставило вопрос о восстановлении уволенных учительниц на обсуждение профсоюзной учительской организации. Настроение у всех присутствующих уже было взвинчено. Наглое поведение колчаковских офицеров, бесчинства карательных отрядов, грубое попирание демократических свобод и элементарных прав человека вызывало у учителей возмущение. Увольнение же трех учительниц оказалось каплей, переполнившей чашу терпения. На собрании было много очень смелых, резких и страстных выступлений, направленных не только против Каменской городской управы, но и против подобной правительственной системы. Собрание выделило делегацию, которая должна была пойти в управу и от имени уездной профсоюзной организации категорически потребовать восстановления на работе уволенных учительниц. В состав комиссии были избраны Ф. А. Резных, П. О. Никишин и автор этих строк. Управа отказалась заслушать заявление делегации и оставила свое решение в силе.

На следующий день, вновь было созвано собрание учителей города и уезда.

В это время Алтайская губерния уже была объявлена на военном положении и на проведение собраний требовалось разрешение властей. Учительская профсоюзная организация пренебрегла этим требованием и проводила собрания без разрешения.

Властям известен был конфликт учителей с городской управой. На собрание явился представитель контрразведки, палач и каратель Воронов (к сожалению, тоже бывший учитель). Делегация доложила собранию, что городская управа отказалась рассмотреть требование учительской профсоюзной организации. Это сообщение вызвало бурное возмущение. Председатель правления союза учителей М. В. Яковлев первый выступил с гневной речью, в которой смело и резко обличал городскую управу в произволе, говорил о том, что она не имеет права и не может игнорировать профсоюзную организацию и демократию, завоеванную народом нашей страны. «Мы — организация, значит — сила. Мы заставим городскую управу считаться с нашим мнением и нашими законными требованиями», — так закончил свое выступление М. В. Яковлев. За ним выступил со взлупнованной речью учитель П. П. Статирский. Он призывал участников съезда защитить достоинство и честь учителя, заставить всех уважать права профсоюзной учительской организации и «отучить городскую управу заниматься самоуправством».

Выступавших было много. После каждого нового оратора возбуждение и негодование росло. Воронов сидел на самой задней скамье, как на иголках.

Собрание закончилось принятием решения: «Потребовать от городской управы восстановления уволенных учительниц на работе... Если же городская управа откажется выполнить наше требование, с 1-го сентября объявить стачку всех учителей городских школ. Если и после этого городская управа не отменит своего решения и не восстановит на работе уволенных учительниц, то с 10 сентября начать стачку во всех школах уезда и проводить ее до выполнения управой нашего требования». Съезд поручил делегации принятые решения доложить управе, а на следующий день сообщить съезду решение управы.

Мы наутро пришли к началу заседания управы. Наше заявление было поставлено последним вопросом в повестку дня, всего из там стояло 16. Пришлось ждать. Наконец дошла очередь до рассмотрения выписки из протокола собрания уездной профсоюзной учительской организации. Выписка эта была пущена по рукам членов управы, хотя содержание ее заранее всем было известно. Председатель управы, лидер каменской группы кадетов Кочнев, обратившись к членам, заявил: «Господа члены управы, предлагаю наше решение в отношении уволенных учительниц оставить в силе и политически неблагонадежных людей не допускать к работе в школе». Предложение было принято единогласно, без обсуждения и без возражений. Мы, члены делегации, не сказав ни одного слова, повернулись и пошли доложить об этом собранию учителей. После короткого нашего сообщения председатель правления профсоюзной организации М. В. Яковлев при какой-то особой, напряженной тишине кратко, но весьма внушительно заявил съезду: «Мы сказали все. Больше говорить не о чем. Надо действовать. Предлагаю избрать стачечный комитет, который должен будет руководить стачкой».

Перед голосованием этого предложения слово попросил директор Каменской гимназии Лукин. В своем выступлении он пытался доказать, что учительская профсоюзная организация стала на ложный и опасный путь, что с такой позицией учителя гимназии не могут согласиться и в знак протesta покидают настоящее собрание. Следом за тем все учителя гимназии и два учителя городского училища — Лухманов и Баклушин (последние два были домашними учителями в семье купца Винокурова), поднялись и демонстративно направились к выходу. «Скатертью дорога!» — бросил им вслед учитель Никишин.

Предложение избрать стачечный комитет было принято единодушно. В комитет вошли М. В. Яковлев, В. Н. Голованов и Л. А. Алферов.

Курсы и профсоюзный съезд закончились. Сельские учителя поехали на места. Пришло первое сентября. Городская управа свое решение не отменила и уволенных учительниц не восстановила в правах. Все учителя городских школ не вышли на работу. Стачечный комитет обратился ко всем рабочим, служащим и трудящимся города Камня примкнуть к стачке учителей и поддержать их законное требование. Редактор каменской газеты, П. Пакин, бывший учитель, обращение стачечного комитета напечатал в газете. В Барнауле газета с обращением стачечного комитета попала в руки уполномоченному по водворению общественного порядка и спокойствия в Алтайской губернии полковнику Кирееву. Он направляет комиссару г. Камня Соловьеву телеграмму: «Стачку немедленно ликвидировать, стачечный комитет арестовать. В случае продолжения стачки будет применена военная сила». М. В. Яковлев и В. Н. Голованов были немедленно арестованы. Л. А. Алферов успел скрыться. Узнав об аресте стачечного комитета, городские учителя довольно организованно пришли к начальнику милиции и потребовали освободить арестованных. К учителям примкнуло много рабочих и служащих. Возмущенная и озлобленная толпа росла, как снежный ком. Протесты, возмущения и требования становились все энергичнее и настойчивее. Все знали, что Голованову и Яковлеву угрожала большая опасность. Белогвардейцы каждую ночь уводили арестованных в Дурной лог и там расстреливали без суда и следствия.

Комиссар Соловьев с телеграммой от полковника Киреева отправился в городскую управу для переговоров о ликвидации конфликта с учительской профсоюзной организацией. Управа не отважилась самостоятельно решить конфликт и созвала экстренное заседание городской думы. На заседание думы пришли многие учителя и представители других профсоюзов. Заседание было бурным. Смелое и серьезное выступление сделал учителя А. Г. Александров, учительница Корниевская, сестра уволенной, и многие другие рабочие и служащие, присутствовавшие на заседании. Члены думы и сами понимали, что конфликт необходимо ликвидировать. Было принято компромиссное решение; Цареву и Киселеву восстановить на работе, а Корниевскую уволить как не имеющую достаточной педагогической квалификации (она прослушала краткосрочные курсы красных учителей).

Казалось, конфликт был разрешен. Однако члены стачечного комитета не могли чувствовать себя спокойно. По совету и настоянию друзей они ночью выехали из Камня в с. Киприно, к своему товарищу, учителю, большевику Михаилу Андреевичу Суворову. Он радушно принял их. Там они встретились с Алферовым, третьим членом стачечного комитета.

Тревожные были дни. «Мы все время опасались за свою судьбу. Нам грозил расстрел», — вспоминает об этом периоде В. Н. Голованов, заслуженный учитель РСФСР, ныне пенсионер, проживающий в с. Павловском Алтайского края.

Стачка учителей в условиях кровавого террора была смелым и весьма рискованным действием. Пока все учителя уезда были вместе, каждый чувствовал себя сильным и действовал решительно. А когда разъехались по селам и деревням, стало, честно говоря, жутковато. Ведь не только попасть под шомпола, но и получить пулю в те дни можно было очень быстро. Тем не менее, оставшись один на один со своей совестью и человеческим страхом, учителя не отступили от своих решений. Они, как и рабочие и передовые крестьяне, не приняли антитародный колчаковский режим.